

С.К. Кузнецов

**Культ умерших и загробные верования
луговых черемис. Выпуск 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С11

С11 **С.К. Кузнецов**
Культ умерших и загробные верования луговых черемис. Выпуск 1 / С.К. Кузнецов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 81 с.

ISBN 978-5-458-56069-6

ISBN 978-5-458-56069-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Культъ умершихъ и загробныя вѣрованія луговыхъ черемисъ.

Г л а в а I.

Болѣзнь и смерть черемисина.

Болѣзнь черемисина и мѣры противъ нея. Ворожба. „Посулы“, или залого, ихъ составъ и значеніе. Роль мужедовъ среди черемисъ. Кереметь и его семья—враги людскаго благополучія. Болѣзни черемисъ вообще. Вечернее жертвоприношеніе Кереметю, по назначенію мужеда. Почитаніе св. Николая. „Щептуны“, или заклинатели. Приглашеніе священника. Взглядъ нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства на изученіе инородческихъ языковъ. Исповѣдь умирающаго. Устное его завѣщаніе и значеніе послѣдняго для наследниковъ. Трупъ умершаго—нѣчто поганое, внушающее страхъ.

Когда черемисинъ заболѣетъ, онъ, какъ и русскій крестьянинъ, перемогается, елико возможно, утѣшая себя тѣмъ, что все скоро пройдетъ. Болѣзнь однако не унимается и скоро сваливаетъ съ ногъ черемисина. И самъ больной, и родные его живо рѣшаютъ, что надо принимать серьезныя мѣры. Не подумайте, что онъ обратится къ врачу, посаженному земствомъ въ извѣстномъ пунктѣ: нѣтъ. Всякое физическое разстройство черемисинъ приписываетъ дѣйствию злобнаго духа Кереметя и его семьи, рѣже—наговору колдуна (мужед, лѣктызѣ), потому что Кереметь и колдунъ на томъ только и стоятъ, чтобы вредить людямъ. Подобное убѣжденіе у черемисъ всеобщее, ибо мужанъ есть вѣрный слуга враждебной черемисину свиты злобныхъ духовъ (*мужѣ*—каратель, мстителъ). Всякій мужедъ находится въ сношеніяхъ съ невидимыми духами и получаетъ отъ нихъ нужныя указанія. Онъ знаетъ, гдѣ найти украденную вещь и какъ ее вернуть, какой злой духъ послалъ болѣзнь и какъ ее отвратить. Но есть мужедъ высшей пробы—*ѹжмѣ-кѣмѣ*—„все

видящій и слышащій“. Этотъ все видитъ насквозь, все слышитъ: онъ слышитъ полеть духа, онъ видитъ, на кого посылаетъ Кереметь болѣзнь. Онъ не только знаетъ, что воръ воруетъ тамъ-то: онъ даже видитъ, куда несутъ краденое и гдѣ его прячутъ; онъ издали слышитъ, какъ ссорятся изъ-за дѣлежа добычи. Знаясь съ темными силами, ужшо кѡлшо настолько могучъ, что подчиняетъ злыхъ духовъ своей волѣ (колыштыктѣ) и можетъ продѣлывать удивительныя, уму непостижимыя вещи.

И вотъ кто-нибудь изъ семейныхъ идетъ къ ворожецу (*мужед*, *мужанъ* или *мужедъшиѣ*), какихъ найдется вездѣ, по крайней мѣрѣ одинъ на двѣ—на три деревни, а если не въ деревнѣ, то гдѣ-нибудь на пчельникѣ. Между просителемъ и ворожецомъ завязывается такой, примѣрно, разговоръ.

„Мужед, онъжо!.. Йыван огѣш керт... (Мужедъ, посмотри-ка (поворожи-ка)!.. Иванъ что-то нездоровъ...“)

Мужедъ на это отвѣчаетъ нѣсколько уклончиво:

„Кугу-йынглан ыштѣн онъжѡ... (Чумбулату, смотри, поставь (жертву)“.

— Мѡдѣнѣ (Чѣмъ)?

Ворожецъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ, принимаясь за ворожебу. Смотря по тому, какой способъ удобнѣе, мужедышь ворожить или на бобахъ, или на поясѣ, или на хлѣбныхъ шарикахъ, и потомъ говорить просителю:

„Пѡлтым шиндѡ!.. (Солоду поставь)“.

Но солодъ этотъ не есть еще настоящая жертва, а только „посулъ“ (*йѡйштылмѡ*, или *сук*), закладъ въ знакъ того, что жертва будетъ принесена.

Посулы эти бывають у черемисъ по разнымъ случаямъ: то вызываетъ ихъ какая-либо нужда, несчастіе, то черемисинъ хочетъ задобрить злобнаго духа впередъ, имѣя въ виду какое ни на есть предпріятіе. Неисполненіе такого рода обѣщаній влечетъ за собою, по мнѣнію черемисъ, неизбѣжную кару разгнѣваннаго божества. Но полная лишеній жизнь черемисина безлѣсной стороны и желаніе расположить къ себѣ бога-карателя вызываетъ все новыя и новыя обѣщанія. Нерѣдкость поэтому услышать, что какой-нибудь бѣдвякъ сдѣлалъ выше десятка „посуловъ“, пообѣщавшись то тому, то другому богу принести крупную или мелкую жертву. Многіе раззоряются, благодаря этимъ посуламъ;

еще большее число черемисъ умираетъ, не исполнивъ даннаго богамъ обѣщанія, и на смертномъ одрѣ завѣщаетъ наслѣдникамъ выполнить „посуль“.

Посулы бываютъ крайне разнообразны: солодъ, крупа, мука, воскъ, недоуздокъ отъ лошади, лямка для теленка (если эти животныя обѣщаются въ жертву), деньги, словомъ—что угодно, даже болѣе цѣнныя вещи изъ одежды, посуда и музыкальные инструменты. Все это служить символомъ будущей жертвы и считается неприкосновенной святыней, временною собственностью того бога, которому обѣщана жертва. Предметы изъ одежды и утварь уже нельзя употреблять до тѣхъ поръ, пока не принесена жертва. Всѣ свои „посулы“ черемисинъ подвѣшиваетъ въ *кюдѣ* (шалашѣ) или на подволоку избы, а малоцѣнные и особенно состоящіе изъ муки и крупы—гдѣ-нибудь въ огородѣ, на вѣткахъ деревьевъ. По числу этихъ „посуловъ“, прицѣпленныхъ къ матамъ и строиламъ названныхъ выше строеній, безошибочно можно всегда опредѣлить, въ какомъ долгу состоитъ черемисинъ у злобнаго Керемета и добраго Юмы.

Мы намѣренно остановились на этомъ, чтобы отмѣтить ту роль, которую играютъ въ религіозной жизни черемисъ эти мужеды (или мужедыши). Къ большому несчастію черемисъ, у нихъ никогда не было недостатка въ такихъ ворожецахъ, которые злоупотребляютъ своимъ близкимъ знакомствомъ съ богами, а въ существованіи послѣдняго черемисы глубоко убѣждены. Какой-нибудь плутоватый отставной солдатъ, иногда даже грамотный, раззоряетъ своихъ единоплеменниковъ, предъявляя отъ имени боговъ слишкомъ высокія требованія. Нерѣдко, по словамъ черемисъ, такой плутоватый мужедъ *просто на смѣхъ* назначаетъ дорогую жертву, чтобы досадить личному недругу. Черемисы умѣютъ, впрочемъ, цѣнить такіе поступки по достоинству: они проклинаютъ мужедовъ, презираютъ, съ бранью исполняютъ ихъ приказанія, но... не смѣютъ послушаться, боясь злыхъ духовъ. Выведенные изъ терпѣнія, черемисы иногда круто расправляются съ подобнымъ ворожецомъ, а по смерти его наживаютъ себѣ новаго злобнаго духа, новаго Керемета.

Но вернемся назадъ. Вмѣстѣ съ приказаніемъ на счетъ солода мужедъ одновременно велитъ положить посуль въ молитвенной рошѣ (*кюс-оты*), посвященной тому богу, который, по

указанію ворожеца, „держитъ“ (*куча*) или „ломаеть“ (*логадылэши*) больного.

„Мѣста шіндѣ“ (на мѣсто поставъ), говоритъ мужедъ, т. е. въ рощѣ Кереметя. Этотъ посулъ можетъ быть сдѣланъ или прямо Кереметю, или ужасному *Йомшенеру*, или не менѣе его страшному *Чумбулату*, называемому чаще *Күгу-йын*, или *Күрук-күгуза*, или *Немд-үрук*; но для почина всегда выбираютъ злого помощника этого Чумбулата—*Шамбара* ¹⁾. Всѣмъ этимъ богамъ обыкновенно если не у каждой деревни, то, по крайней мѣрѣ, у двухъ-трехъ есть особая хвойная роща, въ которой только злой семьѣ (*йеш*) этого Чумбулата и молятся. Семья эта довольно-таки обширна. Кромѣ Шамбара у Чумбулата есть еще: 1) *ужедъши*, 2) *вѣдѣши* (жертва—курица), 3) *Азырѣн* (пѣтухъ), 4) *шырт* (баранъ или утка), 5) *ти* (утка) и 6) *Канка—ороло* (утка). Если Чумбулату приносится въ жертву жеребецъ, то Шамбару—быкъ; кромѣ того обоимъ по свѣчкѣ и по 5 небольшихъ ржаныхъ хлѣбовъ, въ которые запекаются серебряныя монеты. Остальнымъ тоже полагается по вышеуказанной жертвѣ. Неудивительно, что такое жертвоприношеніе можетъ обойтись рублей въ 50.

Приказаніе ворожеца на счетъ жертвы Шамбару немедленно исполняется. Но болѣзнь не покидаетъ больного.

Болѣзни эти, скажемъ къ слову, у черемисъ, какъ и вотяковъ, довольно разнообразны: не говоря о чесоткѣ, тифѣ, изнури-

1) *Күгу-йын* дословно значитъ „большой человекъ“, *Күрук-күгуза*—„горный дѣдушка“, а *Немд-үрук* (т. е. Немдѣ-күрук-күгуза)—„дѣдушка немдинской горы“. Эта гора, почитаемая черемисами доселѣ, нѣкогда составляла центральную святыню черемисъ, и о ней упоминаетъ еще *Олеарій*. Находится она на крутомъ берегу р. *Немды*, притокѣ Вятки съ правой стороны, близъ деревни *Чумбулатовой*, въ колянурской волости иранскаго уѣзда. Крайне любопытная исторія этой черемисской святыни будетъ нами разсказана особо.

Чумбулат повсемѣстно извѣстенъ черемисамъ, но чаще подъ именемъ *Күрук-күгуза* (въ малмыжскомъ, елабужскомъ, царевкокшайскомъ и уржумскомъ уѣздахъ) и *Күгу-йын* (въ красноуфимскомъ) и *Күрук-улбай Керемет*, т. е. „на горѣ живущій Кереметь“, (въ бирскомъ уѣздахъ). Чумбулата черемисы представляютъ подъ видомъ важнаго баркана, который ѣздитъ на четверкѣ, съ фореиторомъ к лакеемъ на зайткахъ. Иногда онъ принимаетъ днемъ видъ зайца. Самое слово Чумбулатъ несомнѣнно тюркскаго происхожденія. *Йомшенер* въ особенности читается въ уржумскомъ и красноуфимскомъ уѣздахъ. Этимологич. слова показываетъ, что это есть духъ исчезнушаго (*йѣмыш*) ключа (*эмер*).

тельной лихорадки, кровавомъ поносѣ (особенно у дѣтей), сифилисѣ, имѣющемъ довольно широкое распространеніе, благодаря полной свободѣ половыхъ сношеній у молодежи, — не говоря обо всемъ этомъ, достаточно указать на невозможную гигиеническую обстановку и дурное питаніе, чтобы съ полнымъ правомъ говорить о незавидныхъ условіяхъ, въ которыя поставлено здоровье черемисина, недовѣрчиво относящагося ко всякой врачебной помощи и перемогающагося до послѣдней крайности.

Продолженіе болѣзни черемисинъ прямо приписываетъ тому, что богъ не обращаетъ вниманія на его посуль.

„Юмо огѣш инаны“ (не вѣритъ богъ), заключаетъ онъ, и опять идетъ къ ворожецу. Послѣдній вновь ворожитъ и обиняками даетъ понять, что теперь нужна уже *настоящая* жертва, а не посуль. Однако уроки, полученные вѣкторыми изъ мужедовъ, не пропадаютъ безслѣдно, и теперь они выражаютъ волю боговъ не столь опредѣленно, какъ прежде. Мужедъ говоритъ только:

„Ит чаманы... Шѣкшѣ — некрѣк кумал!.. (А ты не жалѣй... Пока еще время (=пока горячо), приноси жертву“)!..

Посланецъ смекаетъ, къ чему клонится дѣло, и часто съ видимымъ неудовольствіемъ, почесывая въ головѣ, говоритъ:

„Кумалшан ыльдѣ... (Жертву, видно, привести надо...“

Не всегда пріятная вѣсть приносится домой, и больной, которому жаль расстаться съ жизнью, хотя и горькою зачастую, настаиваетъ на жертвоприношеніи. На домалнемъ совѣтѣ рѣшаютъ теперь принести въ жертву жеребца самому Чумбулату. Созывается близкая родня, приглашается опытный жрецъ (*карт* — въ царевкокшайскомъ и уржумскомъ уѣздахъ, *кулузѣ* — въ малмыжск., *мулла* — въ бирскомъ и красноуфимскомъ), дѣлаютъ всѣ нужныя приготовленія и отправляются въ роцу Чумбулата. Специально для жертвоприношенія пекутся небольшіе прѣсные хлѣбы; предъ тѣмъ какъ садить ихъ въ печь, хозяйка вталкиваетъ внутрь по серебряной монетѣ и пятнаетъ ихъ щепотью (большимъ, указательнымъ и среднимъ пальцами): одна мѣтка посерединѣ, другая сбоку. Иныхъ хлѣбовъ (безъ мѣтки) Кереметь не принимаетъ. Если больной хотя отчасти сохранилъ еще силы, то, несмотря ни на суровое время года, ни на скверную погоду, онъ идетъ вмѣстѣ съ другими, вымывшись, какъ и прочіе, въ банѣ и налѣвъ чистое бѣлье.

Такъ какъ жертвоприношеніе Кереметю не описано, то я остановлюсь на немъ. Кто-нибудь изъ родныхъ ведетъ жертвеннаго жеребенка, а самъ больной несетъ, если можетъ, хлѣбы, яйца и медовую сыту. По приходѣ въ роцу, съ помощью живого огня разводится костеръ. Картъ украшаетъ гриву и хвостъ жеребца серебряными монетами, подвѣшенными на шелковыхъ ниткахъ; потомъ онъ отстригаетъ съ головы животнаго клокъ шерсти и бросаетъ въ огонь со словами: „ступай, огонь, скажи Чумбулату, что ему привели въ жертву жеребца!“ Затѣмъ двое поддерживаютъ лошадь подъ уздцы, а картъ льетъ изъ ковша воду, чрезъ вѣвникъ изъ хвой, на спину лошади, отъ головы до хвоста. Если скотина вздрогнетъ, картъ восклицаетъ: „хорошо! возьми эту лошадь, больному дай здоровья“. Въ противномъ случаѣ обливаніе повторяется до трехъ разъ и болѣе. Скотинѣ спутываютъ ноги лычною веревкой, валятъ на-земь, плотно зажимаютъ ноздри и перерѣзаютъ горло. Теперь жертвенное животное закалается безъ мученій, но встарину, согласно чисто-шаманскому приему, жертвѣ затыкали травой наглухо ноздри, челюсти туго связывали веревкой и, прежде чѣмъ перерѣзать горло, наносили нѣсколько колотыхъ ранъ. Такія истязанія жертвы до сихъ поръ совершаются у сибирскихъ шаманистовъ, если жертва приносится злomu духу *Эрлик-хану*.

Подъ струю бьющей фонтаномъ крови подставляется чашка; потомъ этой кровью кропится и поливается у корня дерево, посвященное Чумбулату. Какъ только снята кожа и туша бережно разнята на части, безъ поврежденія костей, обрѣзается по куску отъ губъ, языка, горла, ушей, сердца, легкаго, печени и ногъ, какъ бы въ доказательство того, что жертва приносится безъ обмана; эти части варятся особо, въ маленькомъ котлѣ. Когда содержимое обоихъ котловъ сварится, жрецъ вынимаетъ въ большую чашку обрѣзки мяса изъ малаго котла, крошитъ туда мясо изъ большого, разбавляетъ наваромъ и начинаетъ молитву. Молитва эта коротка, потому что не столько молятся Чумбулату, сколько съ зубовнымъ скрежетомъ умоляютъ его, какъ великаго злодѣя, пощадить больного. Слова молитвы произносятся грубовато, безъ всякаго благоговѣнія.

„Курък-умбал керемет! Тынь логальнэт марй-йынглан рын, кол-тѣ порэпиде. Тыдын лумжедене таланэт кугу шиэт-дене, шорба-

дѣнѣ, йудентѣнѣ, куту сукетдѣнѣ, ложаштѣнѣ удолынѣ. Илмѣт пюсе, шыкшѣт кужу, шке тыльмачлѣн пу, тул: „озя серлагѣ, Курѣк-умбѣл керемѣт!“ Поредѣш кын, тѣланѣт угычын шим тагадѣнѣ чокленѣ, поредѣш тѣлько! (На горѣ живущій Кереметь! Если ты ломаешь человѣка-черемисина, то ты и выльчи его. Отъ имени его этимъ большимъ серебромъ, этой сытой, великою мукою и мѣдомъ молимся тебѣ. Языкъ у тебя острый, дымъ твой — длинный, самъ ты, огонь, скажи: „помилуй, господинъ горный Кереметь!“ Если можешь, огонь, принесемъ тебѣ въ жертву чернаго барана, только помоги!“)

Вотъ еще молитва: „Вотъ тебѣ, Чумбулатъ, лошадь съ серебряной гривой, съ серебрянымъ хвостомъ, дай больному здорovie, не держи его, не ломай!“

Содержимое чашки выливается теперь въ огонь; туда же кидаются кусочки хлѣбовъ, яиць, плещется сыта, кумышка и пиво. Пока все это горитъ, молящіяся стоятъ на колѣняхъ, кланяются и повторяютъ то всѣ вмѣстѣ, то одинъ больной, слова молитвы. Только послѣ этого начинается жертвенная трапеза. Всѣ остатки и объѣдки тщательно заматаются вѣвникомъ изъ хвой и бросаются въ огонь; туда же кидается голова жеребца и лычная уздечка, а шкура надѣвается на шесть и ставится подлѣ дерева Кереметя. „Вотъ тебѣ, Чумбулатъ, лошадь и узда! Возьми это по-хорошему, больному дай здоровья, больше его не ломай!“

Затѣмъ отправляются домой и увозятъ оставшееся мясо, вполне увѣренные, что *тул-боддои* (духъ огня) извѣститъ Чумбулата о жертвоприношеніи, а *Канка-ороло* (охранитель воротъ) доставитъ ему въ цѣлости и самую жертву.

Не рѣдкость такія моленія въ населенной черемисами окраинѣ. Проѣздомъ мимо кюс-ота, часто лежащаго близъ самой дороги, можно иной разъ подъ вечеръ замѣтить струйку дыма и увидать сквозь деревья группу черемисъ, колѣнопреклоненныхъ предъ деревомъ, обыкновенно хвойнымъ, потому что въ рощахъ, посвященныхъ злой семьѣ Кереметя, должны быть исключительно хвойныя деревья: сосна, ель, пихта. Молитва карта разносится въ вечерней тишинѣ, и особенно отлѣняется финалъ ея, повторяемый съ чувствомъ самимъ больнымъ и его семейными.

Больной принимаетъ участіе въ жертвенной трапезѣ, а если, по состоянію здоровья, онъ долженъ былъ остаться дома, ему

приносятъ жертвеннаго мяса. Можетъ случиться, что больному внезапно полегчаетъ; тогда исцѣлившее его жертвенное блюдо дѣлается священнымъ хранителемъ дома, ставится въ особой коробкѣ въ шалашѣ, и называется *кудо-водоми*.

Но въ зимнюю или ненастную пору отъ такого моленія о здравіи больной можетъ еще пуще расхвораться, что и очень натурально. Опять приходится обратиться къ ворожею, который велитъ принести новую жертву. Вотъ этимъ и раззорительна для черемисъ ихъ вѣра. Въ крайности бросаются на все, и даже некрещенные служатъ молебны и ставятъ свѣчи въ русской церкви, особенно прибѣгая къ Николаю угоднику ¹⁾. Но прежде пробуютъ чисто черемисскія средства.

Если мужедь, узнающій волю боговъ, не можетъ указать вѣрнаго средства, родные призываютъ шептуна (*шуведышъ* = „плюющій“), или заклинателя, главная сила котораго заключается въ томъ, что, при помощи хитрыхъ заговоровъ, напоминающихъ общерусскія заклинанія, онъ сковываетъ волю злыхъ боговъ. Дѣлаетъ онъ эти заклинанія надъ водой, пивомъ, кумышкой ²⁾ или солью съ хлѣбомъ, дуя и плюя на наговариваемый предметъ и давая его съѣсть или выпить больному, или только выпрыскивая его. Подобныхъ заклинателей среди черемисъ немного, и дѣятельность ихъ вполнѣ безкорыстна, а главное — нераззорительна для черемисъ. Въ санѣ шуведыша встрѣчаются и женщины, особенно старыя дѣвы ³⁾.

Ко времени приглашенія заклинателя больной становится обыкновенно крайне плохъ, и вскорѣ за этимъ для крещенаго боль-

¹⁾ Расположеніе инородцевъ къ Николаю угоднику объясняется, разумѣется, тѣмъ, что на иконѣ онъ изображается въ видѣ внушительнаго старца со строгимъ взглядомъ, въ епископской митрѣ.

²⁾ *Кумышка* — водка домашняго приготовления, не выше 10⁰ крѣпостью — известна вотикамъ, черемисамъ, татарамъ и чувашамъ, и у всѣхъ готовится по одному способу, который описанъ нами въ „Древней и Новой Россіи“ 1879, № 5, стр. 55—58.

³⁾ Мнѣ припоминается при этомъ видѣнный мною въ 1878 г. въ Румянцевскомъ музеѣ роскошный манекень, изображающій черемисскую ворожею въ видѣ молодой дѣвушки, что весьма неправдоподобно. За все время близкаго знакомства моего съ черемисами (около 12 лѣтъ) я не знаю ни одного случая, чтобы молодая дѣвушка бывала ворожей.

ного приглашается священникъ. Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что исповѣдь для язычествующихъ черемисъ—большую частью пустая проформа, и къ ней прибѣгаютъ лишь для того, чтобы избавиться отъ проволочекъ, къ сожалѣнію и теперь имѣющихъ мѣсто въ инородческихъ окраинахъ, если только больной умеръ безъ напутствія. Черемисы этой тяготы страшно боятся, невольно припоминая волокиту добраго стараго времени.

Если больной плохо говоритъ по-русски, исповѣдь дается глухая, или больной самъ по-черемисски рассказываетъ свои прегрѣшенія; но иногда переводчикомъ служитъ дьячекъ, всегда лучше священника знающій языкъ черемисъ.

„Зачѣмъ и знать-то ихъ языкъ?“ говорилъ мнѣ покойный отецъ Иванъ въ с. Слесаревѣ: „Если ругу спросишь, такъ по-русски поймутъ, а если исповѣдывать надо, такъ пускай и по-черемисски говорятъ... Не мнѣ вѣдь, а Богу каются; ну, а Богъ всякіе языки пойметъ...“

Такого взгляда держатся многіе священники черемисскихъ приходо́въ и зачастую не знаютъ даже десяти черемисскихъ словъ, проживъ среди черемисъ двадцать лѣтъ, какъ вышеупомянутый о. Иванъ. Священники этого рода зачастую тяготеютъ своимъ положеніемъ въ черемисскомъ приходѣ и охотно подѣлятся со всякимъ своими впечатлѣніями, особенно впечатлѣніями отрицательнаго свойства.

„Придешь ты“, говорилъ мнѣ названный выше о. Иванъ: „придешь къ больному черемисину для напутствія... Сидитъ онъ на нарахъ въ полушубкѣ, въ шапкѣ, съ трубкой въ зубахъ, а самъ, вѣдь, ждетъ священника... Поневоля побранишься! Станешь искать свѣчку на божницѣ, чтобы затеплить предъ иконой, а икона-то стситъ внизъ головой, да и свѣчи нигдѣ нѣтъ... Небось, когда Кереметю-то, поганцы эдакіе, молятся, такъ свѣчки толще пальца ставятъ, а Богу-то вотъ истинному нѣтъ, видите-ли!.. Ну, зажжешь свою свѣчу, а больной-то все еще въ шапкѣ сидитъ и трубку сосетъ. Вотъ тутъ и исповѣдывай!.. Вырвешь трубку, станешь грѣхи спрашивать: въ этомъ онъ не грѣшенъ, въ другомъ не виноватъ, ровно тебѣ праведникъ какой! Ему все это, видите-ли, пустяки, а не грѣхъ.“

„Ну, сказывай: не воровалъ ли?“

— Развѣ я мошенникъ какой? Вотъ Яшка сусѣдъ, тотъ все ташшитъ—пlockà не клади... Наша есть ишшо мало—мала свое!

„Можетъ, поссорился или подрался съ кѣмъ?“

— Напрасно не скажи; развѣ я Егорка какой? Онъ вотъ со всякимъ ругатся да дерется... Ты его и спроси!

„Да, можетъ, ты съ чужой бабой согрѣшилъ?“

— Э-э! Наша своя нѣтъ развѣ? Небось вонъ какой!.. Золотой баба!..

„А моложе-то былъ когда, будто не грѣшилъ? У васъ вѣдь вонъ какой содомъ въ семикъ-то бываетъ!..“

— Эй, бачка! И зачѣмъ пустяки калякать, чего не надо? Развѣ молода пора былъ, самъ дѣвкамъ не гулялъ?..

„И хохочетъ, вѣдь... да! Вотъ тутъ и канителься съ ними... Ну, прочитаешь разрѣшительную молитву, скрѣпя сердце, и уйдешь... Нѣтъ, тяжело намъ тутъ живется...“

Да, дѣйствительно, *тяжко*, тяжело не только жить въ такихъ условіяхъ, но и слушать подобные рассказы, выхваченные прямо изъ живой дѣйствительности. Жалко становится и дикаря-черемисина. И въ самомъ дѣлѣ: кто-то, зачѣмъ-то крестилъ его, но забылъ, какъ видно, научить всему, что потребно христіанину, да еще надъ простодушіемъ этого же дикаря, невольнаго христіанина, зло смѣется...

Чувствуя близость смерти, больной собираетъ вокругъ себя семейныхъ, а если можно—и знакомыхъ, благословляетъ дѣтей и даетъ краткое наставленіе (сугыңы) для ихъ будущей самостоятельной жизни, завѣщаетъ, что нужно положить съ нимъ въ гробъ, кому представлять лицо его на поминкахъ въ 7-й и 40-й день. Слабѣющимъ голосомъ умирающій говоритъ:

„Шулыкàнъ, поян, піялан, кужу ўмыран лизà... Сайн илїзà: кугурактэчын, кугураклан пыштэн, вожылзà; изирактэчын, изираклан пыштэн, лудса... Укè манын, йынгын погыжом ида логал... Э-эх! йынгын можè укè? Колоткашкè мыйденэм у купчыкомъ, у ужгам пыштызà... Вургемэм Йыван чйжè, Опонас да Кргори мушкышт... (Удачливы, богаты, счастливы, долголѣчны будьте! Живите согласно: передъ старшимъ, считая его за старшаго, будьте почитательны; младшаго, считая его за мла шаго (стало быть—и